

жешь ничего добавить-. Каждый из нас называет свое благо не только высшим, но и единственным, ты – привлекая Зенона, я Аристиппа, который, на мой взгляд, понимал это правильнее всех.

XVI

1. Я поведу дело в соответствии с правилами риторического искусства, а именно начну с обоснования нашей задачи, затем позабочусь об опровержении противника. Итак, о том, что наслаждение является высшим благом, свидетельствуют как многие выдающиеся авторы, так и общее мнение, которое этим словом повсюду теперь называет блага души, блага тела и блага судьбы. Из них два последних трезвые стоики не хотят признавать за блага, как будто они есть зло. Но раз нельзя отрицать, что эти блага созданы природой и отданы во власть людям, не понимаю, почему они не числятся среди благ, если мы их используем во благо; пожалуй, мы склонны повсюду порицать природу и винить ее в глупости и несправедливости.

2. <...> Далее я покажу, что само понятие добродетели является пустым, нелепым и безусловно опасным и губительным и что ничего нет приятнее и превосходнее наслаждения.

3. Наконец, я молю и заклинаю, чтобы вас уже теперь не разубеждали многие расходящиеся со мной и чтобы у вас не было желания поддерживать их и скорее соглашаться с уловками людей, выдвигающих некую воображаемую добродетель, чем с законом природы. Они громогласно воспевают стремления к трудностям, что несомненно отрицает природа; мы, следующие законам природы, говорим, что надо стремиться кудовольствиям; они призывают к бесцельным трудам, мы – к радости, они – к мучениям, мы – к наслаждениям, наконец, они – к смерти, мы – к жизни. Вы уже ясно видите, в чем предмет спора. И пока я спорю об этом, вы внимательно слушайте и верьте, что я не только докажу правоту своего дела, но покажу, что противники никогда не делали того, о чем говорят, и, обманывая по неразумию или сознательно (а это большой аргумент в мою пользу), они предавались наслаждению. За это я их весьма хвалю, ибо стремиться следует только к наслаждению, а лицемерие и хула, к чему ты обычно прибегаешь, достойны порицания.

XVII

1. Блага внешних вещей потому называются благами, что готовят наслаждение душе и телу, двум частям, из которых мы состоим. Ведь внешние вещи сами по себе не имеют никакого значения. Какой смысл имеют деньги, страстной любовью к которым охвачены многие, если не воспользоваться ими теперь или не сохранить их для пользования в будущем, то есть для наслаждения? Когда это не принимается во внимание, имеющие деньги и богатства оказываются очень похожими на драконов и грифов, которые охраняют у себя большие запасы золота и драгоценных камней, бесполезные для них, от насильственного захвата людьми не менее тщательно, чем пищу и нежное потомство. Впрочем, люди более глупы. Ведь драконы и грифы не испытывают при этом никаких мучений. А сколько беспокойств, тревог и мучений переносим мы, пример чему Эвклион, старик у Плавта. Подобного взгляда я придерживаюсь и относительно прочих внешних вещей, таких, как знатность, родственные связи, почести, власть, приобретаемые для радости их обладателей.

XVIII

Теперь скажу о благах тела, из которых самое главное – здоровье, далее красота, затем силы и, наконец, все остальное. Скажем коротко о здоровье. Нет человека до такой степени лишённого здравого смысла, который был бы врагом здоровья. Доказательством этому служит наша забота прежде всего о сохранении и возвращении здоровья, хотя иное измышляют о Платоне и некоторых других. Однако они хотели ограничить не здоровье, а пышность тел, подобную пышности трав, которые развиваются сверх меры. Да и сам Платон считает нелепостью пренебрегать здоровьем.

XIX

1. О втором благе следует сказать подробнее. В памятниках литературы можно найти гораздо больше возвеличенных славой сильных мужей, чем красивых. Таковы Геркулес, Мелеагр, Тесей, Гектор, Аякс и прочие, которых называют героями, а также Главк, Дорифор, Милон, Полидамант, Никострат, которые побеждали в жестоких сражениях. Это, однако, объясняется не тем, что писатели предпочитают силу красоте. Но поскольку они рассказывают о деяниях и чаще всего о военных, то называют, скорее, тех, кто совершал деяния, то есть сильных мужей. Ведь деяние совершается силой, а не красотой. Однако судить о дарах тела нет необходимости, так как мы решительно утверждаем, что все они имеют отношение к нашему счастью.

2. Но чтобы не казалось, что я начал доказывать, не понимая, коротко скажу о том, что меня